

Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии

В.С. Собкин, А.В. Федотова

Центр социологии образования Института управления образованием РАО, Москва, Россия

Поступила 12 апреля 2018/ Принята к публикации: 7 мая 2018

Adolescent in social networks: on the issue of social psychological well-being

Vladimir S. Sobkin*, Aleksandra V. Fedotova

Center for Sociology of Education, Institute of RAE Education Management. Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: sobkin@mail.ru

Received April 12, 2018 / Accepted for publication: May 7, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Цифровые технологии сегодня являются неотъемлемой частью повседневной жизни. Интернет, и в частности, социальные сети, рассматриваются многими исследователями как особый институт социализации наравне с такими традиционными институтами, как семья и школа.

Цели исследования. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей социально-психологического самочувствия подростков при взаимодействии в социальных сетях. Анализ полученных материалов дает возможность выявить влияние социально-демографических, социально-стратификационных и социально-психологических факторов на своеобразие самопрезентации подростков в интернете, на их отношение к нормам, регулирующим взаимодействие в сети, на оценку возможных страхов и угроз, а также воздействие общения в сети на их личностные изменения.

Описание хода исследования. Статья основана на материалах анкетного опроса 2074 учащихся основной и старшей школы. Опрос проводился среди школьников Московской области в 2016 году.

Результаты исследования. Материалы исследования показали, что особенности самопрезентации влияют на самочувствие подростков при пользовании социальными сетями. Выявлено, что аффективная значимость сетевого взаимодействия для подростков, стремящихся привлечь внимание незнакомых пользователей, негативно сказывается на их эмоциональном самочувствии. Те, кто считает свою страницу «провокационной», чаще указывают на «зависимость от виртуального общения и чужих оценок» – 17,4% (среднее – 7,1%, $p \leq .0004$), а также на то, что их «раздражают более популярные страницы» – 21,7% (в среднем – 4,2%, $p \leq .00001$).

Выводы. Проведенное исследование показало, что социальные сети становятся для современного подростка тем важнейшим коммуникативным пространством, где реализуются фундаментальные возрастные изменения, связанные с социализацией. При этом стремление к расширению своих социальных связей с помощью виртуальной коммуникации часто негативно отражается на особенностях личностного развития подростка, его взаимодействии с реальным окружением.

Ключевые слова: социальные сети, интенсивность пользования, подростковый возраст, самопрезентация, ограничительные нормы, зависимость, социальный статус, социально-психологическое самочувствие.

Background. Digital technologies have long become an integral part of everyday life. Internet and Social Networking Sites (SNS) are considered to be one of the socialization institutions along with traditional school and family.

Objective. The research is concerned with studying the peculiarities of teenagers' social psychological well-being when using SNS. The analysis aims at revealing the impact of demographic, social stratifying and social psychological factors on the type of adolescent self-performance at SNS, their attitude towards regulations of interaction at SNS, their concern about potential risks and also opinions about the effects of SNS socialization on their personality.

Design. The paper is based on the results of 2074 school-aged adolescent survey conducted in 2016 in Moscow region, Russia.

Results. According to the survey, the adolescent well-being when using SNS depends on the type of their self-presentation. The data showed that affective significance of social networking for adolescents who seek the attention of the strangers produces a negative impact on their emotional well-being: those who refer to their SNS profile as "provocative" are more likely to feel the "addiction to virtual interaction and other's opinions" – 17.4% (mean 7.1%; $p \leq .0004$), being disturbed by "more popular profiles" – 21.7% (mean 4.2%; $p \leq .00001$).

Conclusion. The survey showed that nowadays adolescents deem the SNS as the most important communicative field where the fundamental age-related changes take place. The tendency to expand social contacts by means of virtual communication was found to produce negative impact on adolescent personal development and social interaction in real life.

Keywords: social networking, SNS performance, adolescence, self-presentation, regulations, addiction, social status, social psychological well-being

В настоящее время цифровые технологии являются неотъемлемой частью повседневной жизни. Интернет, и в частности, социальные сети рассматриваются многими исследователями как особый институт социализации наравне с такими традиционными институтами, как семья и школа (Королева, 2015; Марцинковская, 2010). Различным аспектам пользования социальными сетями уделяется пристальное внимание в работах отечественных авторов (Войскунский, 2004; Поливанова, Смирнов, 2017; Собкин, 2016, 2017; Солдатова и др., 2011). Особый интерес представляют зарубежные исследования, касающиеся самопрезентации в социальных сетях (Manago et al., 2008; Manzi et al., 2018; Turkle, 1996), восприятия сетевой коммуникации (Laghi et al., 2013; Oprea, Stan, 2012; Sipal, Karakaya, Hergul, 2011), рисков, связанных с взаимодействием в сетях (Marino et al., 2018; Grzig, 2011; Livingstone, Kirwil et al., 2013). Эта тематика и определяет во многом основную направленность данной статьи.

Статья основана на материалах анкетного опроса 2074 учащихся 5-х, 7-х, 9-х и 11-х классов школ Московской области, который был проведен в 2016 году. В нем выяснялось мнение респондентов относительно широкого круга вопросов по поводу их общения в социальных сетях. Частично результаты этого исследо-

вания были изложены в ряде наших публикаций (Собкин, 2016, 2017; Собкин, Федотова, 2018), продолжающих цикл работ, направленных на изучение особенностей информационной среды учащихся общеобразовательных школ (Соб-

Ответы свидетельствуют о неоднозначности тех психологических потребностей, которые определяют поведение подростков в социальных сетях – наряду с желанием объективно представить свой реальный образ и интересы, явно проявляется и тенденция акцентировать внимание на индивидуальных особенностях, которые позволят привлечь к себе особый интерес и расширить среду своего общения

кин, Евстигнеева, 2001; Собкин, Адамчук, 2006, 2008).

Материалы исследования показывают, что сегодня подавляющее большинство учащихся общается в социальных сетях, причем, 95% из них являются зарегистрированными пользователями. При этом установлено, что на пользование сетями влияют демографические, социально-стратификационные и социально-психологические факторы. В данной статье мы обратим особое внимание на содержательные аспекты, характеризующие эмоциональное самочувствие подростка в социальной сети: самопрезентация в сети, определение социально-психологической дистанции общения, характеристика ограничительных норм сетевого взаимодействия, оценка возможных угроз и рисков при общении в сети,

а также на влияние общения в сети на личностные изменения. Анализ полученных материалов будет проводиться относительно действия таких факторов, как пол, возраст, образование родителей, уровень материальной обеспеченности семьи,

академическая успешность школьника, а также его социальный статус в коллективе класса.

Особенности самопрезентации в сети.

Эта тема является крайне важной, поскольку позволяет выявить те общие целевые ориентации коммуникатора, которые определяют характер его сетевого взаимодействия. Особый интерес здесь представляют те требования, которые предъявляют подростки к своему аккаунту, что, по их мнению, он должен выражать. В связи с этим, в ходе опроса подросткам предлагалось высказать свое мнение о том, что для них было наиболее важным при создании своего профиля (страницы) в сети. Распределение ответов на данный вопрос выглядит следующим образом.

Чаще всего подростки стремятся к тому, чтобы их профиль «полностью отражал их личные интересы и реальный образ». Этот вариант выбирают 38,7%. Около четверти опрошенных (24,4%) хотели бы, чтобы профиль «отражал их индивидуальность». Практически столько же при создании профиля руководствуются желанием «вызвать интерес ближайших друзей» (24,0%). Вместе с тем, весьма значительная часть подростков хотела бы «избежать лишнего назойливого внимания со стороны» (23,8%). Следует отметить, что 7,9% ориентированы при создании своей страницы на нормы, принятые в их окружении в социальной сети – «соответствие взглядам и позиции той группы, с которой я общаюсь в социальных сетях». Наконец, важно подчеркнуть, что

Владимир Самуилович Собкин –

доктор психологических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, руководитель Центра социологии образования Института управления образованием РАО
E-mail: sobkin@mail.ru
http://iuorao.ru/pg_cso/
<http://www.socioedu.ru/node/103>

Александра Владимировна Федотова –

научный сотрудник лаборатории мониторинговых социологических исследований в образовании Центра социологии образования Института управления образованием РАО
E-mail: AlexandraFedotova@rambler.ru
<http://www.socioedu.ru/node/42>

каждый десятый (10,8%), напротив, хотел бы, чтобы страница «привлекала внимание незнакомых пользователей».

В целом, ответы свидетельствуют о неоднозначности тех психологических потребностей, которые определяют поведение подростков в социальных сетях – наряду с желанием объективно представить свой реальный образ и интересы, явно проявляется и тенденция акцентировать внимание на индивидуальных особенностях, которые позволят привлечь к себе особый интерес и расширить среду своего общения. В связи с этим, следует отметить, что подобная тенденция наиболее характерна именно для тех подростков, кто часто пользуется социальными сетями. Те же, кто пользуется сетями «от случая к случаю» и «редко», чаще нацелены на то, чтобы их страница «не привлекала внимания» посторонних (соответственно 36,7% и 32,1% по сравнению с 15,9% среди активных пользователей, $p \leq .0005$).

Специальный интерес представляет анализ влияния демографических и социально-стратификационных факторов. Отметим наиболее важные моменты.

В первую очередь, следует обратить внимание на выбор варианта ответа, который касается стремления подростка «выразить свою индивидуальность». Анализ полученных материалов показывает, что по мере взросления это желание становится все более значимым – 17,0% в 5-м классе и 30,7% в 11-м ($p \leq .00001$). При этом характерно, что желание подчеркнуть свою индивидуальность в сети у девочек оказывается более выраженным, чем у мальчиков (соответственно 29,2% и 19,3%, $p \leq .00001$).

Помимо возраста и пола на выбор данного варианта ответа влияет и уровень образования родителей – чем он выше, тем чаще подростки стремятся выразить в сети свою индивидуальность. Так, среди учащихся, чьи родители имеют высшее образование, данный вариант ответа выбирают 28,8%, а среди школьников со средним образованием родителей таких 17,9% ($p \leq .01$). На желание выразить свою индивидуальность в ситуации сетевого общения влияет и такой фактор, как академическая успешность – среди подростков с «высокой» успеваемостью доля таких ответов составляет 30,2%, а среди

школьников с «низкой» успеваемостью – 20,2% ($p \leq .003$).

школьников с «низкой» успеваемостью – 20,2% ($p \leq .003$).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что использование социальной сети в качестве среды общения для выражения собственной индивидуальности определяется сложным комплексом демографических и социальных факторов. Здесь важную роль играет и возраст, и пол, и академическая успешность.

Весьма своеобразно проявляется влияние на самопрезентацию в сети и такого фактора, как социальный статус подростка в школьном коллективе. Те, кто считает себя лидерами в классе, значительно чаще, по сравнению с остальными, сориентированы на то, чтобы вызвать интерес незнакомых людей к своей странице. Среди них также выше и желание привлечь внимание друзей. Напротив, для тех, у кого в школе лишь «ограниченный круг приятелей», оказывается важнее при создании аккаунта «не привлекать лишнего внимания» – 27,8% (по сравнению с 20,9% среди тех, кого в классе «многие уважают»; $p \leq .002$). Эти тенденции отражены на рисунке 1.

В целом, представленные на рисунке данные позволяют сделать вывод о том,

что социальная позиция в коллективе класса оказывает явное влияние на целевые аспекты самопрезентации подростка в социальной сети. Очевидно, что лидерская позиция ориентирует общение, как на поддержание имеющихся социальных связей, так и на расширение социальной среды.

Следует подчеркнуть, что, помимо влияния на особенности самопрезентации в сети традиционных социальных параметров, существенное значение имеют и общие жизненные ориентации подростка. Отметим здесь два момента: сформированность представлений о будущем и эмоциональная оценка жизненных перспектив. Так, подростки, имеющие «четкие представления о собственном будущем», чаще предпочитают, чтобы их страница в социальной сети отражала «реальный образ», по сравнению с теми, кто «думает о будущем, но не может определиться» (соответственно 45,6% и 35,9%, $p \leq .0001$). Причем, важна не только сформированность жизненных планов, но и оценка успешности своих перспектив. Подростки, смотрящие в будущее с оптимизмом, чаще ориентированы на представление в сети своего

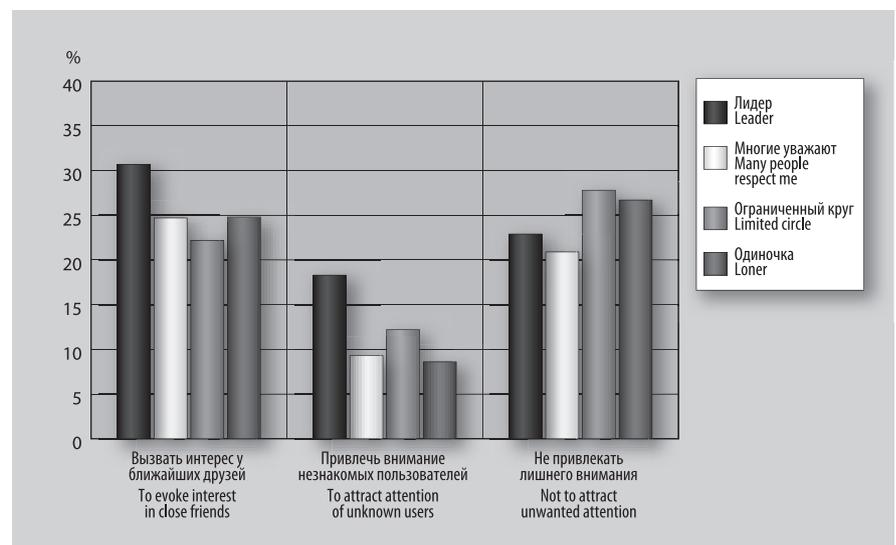

Рис. 1. Различные целевые установки подростков с разным статусом в классе при создании профиля в социальной сети (%)

Fig. 1. Different target settings in adolescents when creating a profile in a social network with different status in the class (%)

реального образа, по сравнению с пессимистами (соответственно 41,2% и 27,4%, $p \leq .01$). Иными словами, позитивная самооценка своего социально-психологического благополучия (сформированность планов, оптимизм) ориентирует подростка на представление в сети своего реального образа. Эта тенденция позволяет предположить, что психологическая самодостаточность ориентирует коммуникатора на предъявление своего реального образа в сети.

Противоположная тенденция проявляется при сопоставлении ответов тех подростков, кто «проблематизирует» свое будущее («думаю о своем будущем, но не могу определиться») и «сомневается» в своей будущей успешности. Среди них доля ориентированных на отражение собственной индивидуальности на своей странице в сети составляет 28,0%. Различия с ответами определившихся в своих планах и уверенных в своем будущем статистически значимы (на уровне $p \leq .04$). Таким образом, полученные данные дают основание предполагать, что общение в социальной сети имеет большое значение для проявления собственной индивидуальности именно тех подростков, кто склонен к проблематизации своего будущего. Иными словами, сеть выступает для них в качестве своеобразной среды для совершения возможных «проб» проявления своей индивидуальности.

Социальная дистанция

В ходе опроса подросткам предлагалось также оценить свой профиль относительно степени его открытости. Результаты показывают, что 24,5% опрошенных оценивают свою страницу как «сдержанную», 8,7% относят ее к «неординарным», 5,0% – к «откровенным» и, 4,4% считают ее «провокационной». Большинство же подростков (68,3%) характеризуют свою страницу как «обычную».

Мальчики, по сравнению с девочками, более склонны считать свою страницу в социальной сети «откровенной» (соответственно 7,1% и 2,9%, $p \leq .00001$) и «провокационной» (соответственно 5,7% и 3,3%, $p \leq .001$). Девочки же чаще отмечают «сдержанный» характер своей страницы (соответственно 27,0% и 21,9%, $p \leq .01$).

С возрастом падает доля подростков, относящих свою страницу к разряду «откровенных», и параллельно увеличивается доля тех, кто считает свою страницу «неординарной» – 5,7% в 7-м классе и 14,7% в 11-м ($p \leq .00001$) и «провокационной» – 4,1% в 9-м классе и 9,7% в 11-м ($p \leq .0002$). Подобный рост провокативных установок при общении в сети на этапе окончания школы является весьма важным индикатором для социально-психологической характеристики особенностей данного возраста. Если учесть, что провокация предполагает воздействие на партнера с тем, чтобы вызвать определен-

ную реакцию и действия (чаще негативного характера), то можно предположить, что на этом возрастном этапе общение в сети отражает своеобразную потребность подростка в управлении (манипуляции) «социальным поведением» партнеров по общению. Иными словами, сетевое общение для значительного числа подростков выступает как особое пространство проявления своих манипулятивных способностей в сфере социальных отношений.

Особый интерес представляют особенности характеристики учащимися своей страницы в интернете в зависимости от их целевых ориентаций при создании аккаунта. Как мы отмечали выше, при создании страницы достаточно отчетливо проявляются две различные коммуникативные установки: одна из них связана с желанием «вызвать интерес ближайших друзей», другая же, напротив, предполагает «привлечение внимания незнакомых пользователей». Рассмотрим, как изменяется характеристика собственной страницы коммуникатором в зависимости от этих установок.

Полученные данные показывают, что подростки, ориентированные при создании профиля на поддержание интереса к себе среди ближайших друзей, в отличие от тех, кто стремится привлечь внимание незнакомых пользователей социальной сети, существенно чаще характеризуют свою страницу как «обычную» (соответственно 68,6% и 53,5%, $p \leq .0001$) и «сдержанную» (соответственно 28,8% и 21,5%, $p \leq .05$). Напротив, те, кто стремится привлечь внимание незнакомых, оценивают свою страницу как «неординарную» (соответственно 22,0% и 10,5%, $p \leq .0001$) и «провокационную» (соответственно 12,6% и 4,8%, $p \leq .0002$). Наглядно эти тенденции отражены на рисунке 2.

На рисунке отчетливо видно, что стремление расширить свой круг общения (ориентация на незнакомых) предполагает особую модель самопрезентации в социальной сети – желание быть неординарным и провоцировать окружающих. Заметим, что подобная ненормативность соотносится с результатами исследования особенностей самопрезентации подростков, где фиксировался рост проявления подростками ненормативных установок в интернете (Жичкина, Белинская, 2000). Вместе с тем, по нашим данным, эта тен-

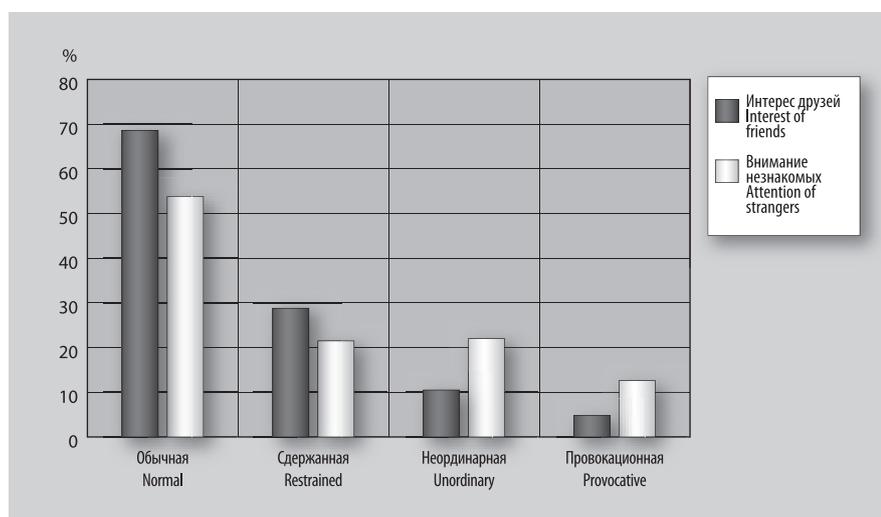

Рис. 2. Различия в оценке подростками своей страницы в социальной сети в зависимости от коммуникативной установки (%)

Fig. 2. Differences in the evaluation of one's web page in a social network depending on the communicative goal (%)

денция отчетливо проявляется лишь в той коммуникативной ситуации, которая ориентирована на сетевое взаимодействие именно с незнакомыми людьми. Это, на наш взгляд, является существенным уточнением особенностей проявления тенденции ненормативной самопрезентации в сети. Подросток, который ориентирован при общении в сети на ближайшее социальное окружение, напротив, стремится не выходить за рамки тех норм, которые сложились в его кругу общения, предъявляя свою страницу как «обычную» и «сдержанную».

Добавим, что для понимания особенностей взаимодействия в сети важно также иметь в виду и те эмоциональные аспекты, которые касаются разных характеристик самопрезентации. Так, например, полученные нами данные показывают, что подростки, оценивающие свою страницу как «провокационную», заметно чаще указывают на собственную «зависимость от виртуального общения и чужих оценок» – 17,4% (среднее по выборке – 7,1%), а также на то, что их «раздражают более популярные страницы, чем их собственная» – 21,7% (среднее по выборке – 4,2%, $p \leq .0004$). Оба эти результата позволяют сделать вывод об особой аффективной значимости для «провокатора» ситуации сетевого взаимодействия.

Завершая данный раздел, следует отметить, что на характеристику подростком своей страницы в сети оказывает влияние его социальный статус среди одноклассников. Так, лидеры явно отличаются от тех школьников, которые имеют ограниченный круг приятелей, по показателям «неординарность» (соответственно 17,0% и 7,7%, $p \leq .001$) и «провокационность» (соответственно 11,8% и 3,7%, $p \leq .00001$). Это позволяет уточнить сделанный выше вывод о том, что среди лидеров более выражена тенденция расширения своей социальной среды в пространстве сетевого общения. Дело в том, что подобное «расширение» связано для них со стремлением реализовать свою потребность в социальной манипуляции.

Ограничительные нормы

Подросткам был задан специальный вопрос о том, что, по их мнению, недо-

Табл. 1. Общее распределение и возрастная динамика ответов учащихся на вопрос о значимости ограничительных норм, регулирующих общение в сети (%)

	Среднее	5 класс	7 класс	9 класс	11 класс
Информация, демонстрирующая неуважение и пренебрежение к другим пользователям и их интересам, точке зрения	36,1	35,2	37,2	34,7	38,0
Личные оскорбления других пользователей	49,5	53,1	50,6	49,7	40,0
Информация эротического характера из личной жизни пользователя	41,3	37,5	43,1	42,5	42,3
Содержание агрессивного характера, в т.ч. нецензурная речь и нападки на других пользователей сети	33,2	32,0	33,4	32,7	36,0
Неуважительные высказывания на религиозную тему	25,5	23,6	23,7	28,1	27,3
Неуважительные высказывания на национальную тему	25,6	21,2	24,6	27,5	32,3
Демонстрация неуважения к государству	25,3	26,4	25,6	24,6	23,7
Только то содержание, которое противоречит правилам администрации социальной сети	13,2	10,5	11,3	15,6	17,3
Только то содержание, которое влечет за собой юридическую ответственность	15,8	10,7	12,9	19,8	23,3
N	2074	571	613	590	300

Table 1. General distribution and age-related dynamics of student responses to the question of the importance of restrictive regulations of communication in the network (%)

	Mean	5 th form	7 th form	9 th form	11 th form
Information showing disrespect and disregard for other users and their interests, or point of view	36.1	35.2	37.2	34.7	38.0
Personal insults to other users	49.5	53.1	50.6	49.7	40.0
Erotic information from the user's personal life	41.3	37.5	43.1	42.5	42.3
Content of aggressive nature. including unprintable speech and bullying other network users	33.2	32.0	33.4	32.7	36.0
Showing disrespect to religious issues	25.5	23.6	23.7	28.1	27.3
Showing disrespect to national issues	25.6	21.2	24.6	27.5	32.3
Showing disrespect to the state	25.3	26.4	25.6	24.6	23.7
Only the content that contradicts the rules of social network administration	13.2	10.5	11.3	15.6	17.3
Only the content that entails legal liability	15.8	10.7	12.9	19.8	23.3
N	2074	571	613	590	300

пустимо при общении в социальных сетях. Общее распределение ответов и их возрастная динамика приведены в таблице 1.

Из приведенных в таблице данных видно, что наиболее часто в качестве ограничительных норм, касающихся регуляции сетевого общения, подростки указывают «личные оскорбления других

пользователей», размещение «информации эротического характера из личной жизни пользователя», демонстрацию «неуважения и пренебрежения к другим пользователям и их точке зрения», размещение «содержания агрессивного характера, в т.ч. нападки на других пользователей». Остальные варианты ответов выбираются значительно реже.

Особый интерес представляет анализ возрастной динамики ответов. Как видно из таблицы 1, по целому ряду вариантов ответов картина достаточно стабильна. Вместе с тем, можно отметить характерные изменения, которые последовательно проявляются на протяжении всего возрастного этапа обучения в основной и старшей школе. Указанные ниже различия статистически значимы на уровне $p \leq .01$. Так, от 5-го к 11-му классу резко снижается значимость такой ограничительной нормы как «недопустимость личных оскорблений при общении в сети». Параллельно повышается доля тех, кто считает неприемлемыми неуважительные высказывания на национальную тему. При интерпретации возрастной динамики принципиальное значение имеет рост числа учащихся, которые считают недопустимым использовать только то содержание, которое «противоречит правилам социальной сети» или «влечет за собой юридическую ответственность». В целом отмеченные изменения позволяют сделать вывод о том, что по мере взросления для подростков заметно снижается значимость тех или иных ограничений. По их мнению, среда общения должна регулироваться внешними правилами, установленными администрацией сети или общим законодательством. Иными словами, в сетевом общении допустимо все, что законодательно не запрещено.

Явно проявляются и гендерные различия в отношении учащихся к нормам, регулирующим сетевое общение. Так, мальчики, по сравнению с девочками, чаще отмечают, что при общении в сети «допустимо все то, за что не предусмотрена юридическая ответственность» (соответственно 19,7% и 13,8%, $p \leq .01$). Девочки же в своих ответах склонны гораздо чаще фиксировать значимость широкого набора ограничительных норм, считая неприемлемыми: «личные оскорбления» (соответственно 54,6% и 44,0%, $p \leq .00001$), информацию «эротического характера» (соответственно 50,8% и 31,3%, $p \leq .00001$) и «содержание агрессивного характера, в том числе нецензурную речь» (соответственно 37,1% и 29,2%, $p \leq .0001$). Иными словами, девочки в большей степени ориентированы на поддержание общекультурных норм в ситуации сетевого общения.

На отношении подростков к ограничительным нормам оказывают влияние и социально-стратификационные факторы. Так, школьники из семей с высшим образованием родителей чаще, по сравнению с теми, чьи родители имеют среднее образование, отмечают неприемлемость размещения в сети информации эротического характера из личной жизни (соответственно 41,2% и 31,2%, $p \leq .03$), агрессивных проявлений (соответственно 35,1% и 21,6%, $p \leq .004$), неуважительных высказываний на религиозные (соответственно 27,9% и 12,8%, $p \leq .0004$) и национальные темы (соответственно 28,4% и 10,4%, $p \leq .00001$), а также демонстрации неуважения по отношению к государству (соответственно 27,9% и 14,4%, $p \leq .001$). Таким образом, приведенные данные показывают, что более высокий уровень образования семьи проявляется в тенденции поддержания подростком культуросообразных норм в ситуации виртуального общения.

Проявляется и влияние академической успешности подростка. Проведенный анализ полученных материалов показывает, что учащиеся с низкой успеваемостью («троечники») заметно реже, по сравнению с «отличниками», указывают на то, что в сети недопустимы: неуважение к мнению других пользователей (соответственно 31,9% и 43,1%, $p \leq .006$), информация эротического характера из личной жизни (соответственно 35,2% и 47,0%, $p \leq .003$), проявления агрессии (соответственно 27,4% и 38,7%, $p \leq .002$), неуважительные высказывания на религиозные (соответственно 21,8% и 32,0%, $p \leq .005$) и национальные темы (соответственно 21,1% и 34,3%, $p \leq .0003$), а также неуважение к государству (соответственно 20,5% и 30,9%, $p \leq .005$). Эти данные указывают на то, что учащиеся с высоким уровнем академической успешности демонстрируют не только эффективное освоение собственно образовательных программ, но и сориентированы на следование нормативным социокультурным образцам поведения в ситуации сетевого общения. В этом отношении явно проявляется воспитательный эффект успешности обучения – культурные нормы взаимоотношений поддерживаются ими не только в школе, но и переносятся в педагогически неконтролируемую среду.

Завершая данный раздел, следует обратить внимание на соотношение особенностей поведения подростка в сети и его отношения к ограничительным нормам взаимодействия. Отметим здесь лишь два момента: активность пользования социальной сетью и характер самопрезентации в сети. Проведенный анализ показывает, что с повышением активности и интенсивности пользования социальными сетями подростки заметно реже указывают на недопустимость размещения различного рода информации, способной оскорбить чувства других пользователей сети. Иными словами, они оказываются менее чувствительными к нарушениям в сети общекультурных норм общения и взаимодействия. Параллельно с этим подростки, наиболее интенсивно пользующиеся социальными сетями (проводящие в них более 5-ти часов в день), чаще, по сравнению с теми, кто тратит на общение в социальных сетях незначительное количество времени (менее 1-го часа), выбирают варианты, связанные с отсутствием юридической ответственности (соответственно 20,4% и 12,1%, $p \leq .002$) и нарушением правил сети (соответственно 17,8% и 10,4%, $p \leq .001$).

Аналогичная тенденция была выявлена и при анализе влияния целевых особенностей самопрезентации в сети. Так, у подростков, относящих свою страницу к «провокационным», заметно снижается ориентация на поддержание общекультурных норм общения в сети. Они реже выбирают все предложенные варианты ограничений, акцентируя важность соблюдения лишь тех норм, нарушение которых влечет за собой юридическую ответственность.

Поведенческие риски и угрозы

Отмечая потенциальные риски общения в сети, подавляющее большинство опрошенных (74,5%) указали на «мошенничество». Довольно часто подростки фиксируют такие опасности как возможность подвергнуться «оскорблениям и давлению со стороны других пользователей» (45,8%), возможность стать жертвой «шантажа» (42,5%), «навязчивая реклама» (41,3%), «сексуальные домогательства» (36,4%). Помимо этого, к числу поведен-

ческих рисков относят «оглашение личной информации» (33,3%), «сетевую зависимость» (29,9%), «преследование в реальной жизни со стороны виртуальных собеседников» (17,9%). Таким образом, пространство сетевого общения оценивается подростками как весьма насыщенное разнообразными поведенческими рисками. Вместе с тем, каждый десятый подросток (10,8%) считает, что проблема социальных сетей «надумана и преувеличена взрослыми».

Анализ гендерных различий показывает, что девочки более обеспокоены вопросами собственной безопасности при общении в сети. По сравнению с мальчиками, они гораздо чаще фиксируют возможные угрозы сетевого общения, связанные с: «оскорблениями» (соответственно 48,3% и 42,1%, $p \leq .03$), «сексуальными домогательствами» (соответственно 42,7%, по сравнению с 29,8%, $p \leq .00001$) и «возможностью преследования в реальной жизни со стороны виртуальных собеседников» (соответственно 20,5% и 15,1%, $p \leq .0004$). Помимо этого, девочки чаще в качестве значимых угроз указывают на «возможность оглашения личной информации» (соответственно 36,7%, по сравнению с 29,8% среди мальчиков, $p \leq .001$) и «зависимость от социальных сетей» (соответственно 32,4%, по сравнению с 27,3%, $p \leq .02$). Мальчики же, по сравнению с девочками, в большей степени обеспокоены возможной угрозой «стать жертвой шантажа» (46,1% и 39,0%, $p \leq .002$). Таким образом, гендерные особенности оказывают явное влияние на оценку социальных сетей как потенциально опасной зоны взаимодействия.

Особый интерес представляет анализ значимости тех или иных рисков в зависимости от возраста (см. рисунок 3).

На рисунке 3 приведены те риски, относительно которых проявились статистически значимые различия в ответах школьников разных возрастных когорт ($p \leq .02$). Здесь обращают на себя внимание два момента. Первый касается явного повышения значимости среди семиклассников таких рисков, как опасность подвергнуться оскорблениям, сексуальным домогательствам и шантажу, по сравнению с пятиклассниками и учащимися 11-х классов. Можно предположить, что подобное повышение значимости перечисленных рисков связано с наступле-

нием пубертатного периода, когда значимой оказывается проблематизация социально-психологических переживаний, возникающих на фоне поиска ответа на вопрос: «Кто я в глазах других?». Можно сделать вывод о том, что пространство сетевого общения для значительного числа подростков выступает как среда, угрожающая личности, построению адекватного образа «Я», как в собственных глазах, так и в глазах партнеров по сетевому общению.

Второй момент связан с последовательным увеличением значимости от 5-го к 11-му классу такой угрозы, как «оглашение личной информации». Здесь также проявляется возрастная общепсихологическая тенденция, связанная с особой значимостью в старшем школьном возрасте интимно-личностного общения (Выготский, 1984; Эльконин, 1989; Эриксон, 1996). Эти данные позволяют предположить, что отношение подростков к возможным рискам в сети свидетельствует о том, что в сетевом общении отчетливо проявляются общепсихологические особенности возрастного развития подростка.

При анализе влияния социально-стратификационных факторов на оценку значимости тех или иных угроз обращает на себя внимание тот факт, что учащиеся из благополучных семей чаще отмечают, что они обеспокоены возможностью подвергнуться оскорблениям и давлению со стороны других пользователей (44,9% среди высокообеспеченных, 46,9% среднеобеспеченных и лишь 32,1% низкообеспеченных, $p \leq .02$).

В связи с отмеченной выше возрастной динамикой оценки возможных рисков в сети в зависимости от пубертатного периода, особый интерес представляет оценка подростками риска возможности столкнуться здесь с сексуальными домогательствами. Характерно, что наиболее часто указание на эту угрозу встречается среди лидеров (43,8%, тогда как среднее по выборке 36,4%, $p \leq .05$). Этот момент важен, поскольку фиксирует, что в подростковой среде лидерство (привлекательность среди сверстников) часто связано именно с сексуальным интересом. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что страх подвергнуться сексуальной агрессии последовательно усиливается по мере роста активности и интенсивности пользования социальными сетями. Так, среди тех, кто пользуется социальной сетью «редко», на него указывает 21,0%, а среди «активных» пользователей – практически в два раза больше (41,9%, $p \leq .0003$). Та же тенденция проявляется и относительно интенсивности пользования сетью – беспокойство по поводу сексуальных домогательств возрастает с 30,5% среди тех, кто пользуется сетью менее 1-го часа в день, до 45,2% среди подростков, пользующихся сетью более 5-ти часов ежедневно ($p \leq .0001$).

Следует подчеркнуть и особую зависимость значимости данной угрозы от характера самопрезентации подростка в интернете. Так, те подростки, чья страница ориентирована на привлечение внимания незнакомых пользователей, чаще высказывают опасения по поводу возможных сексуальных домогательств –

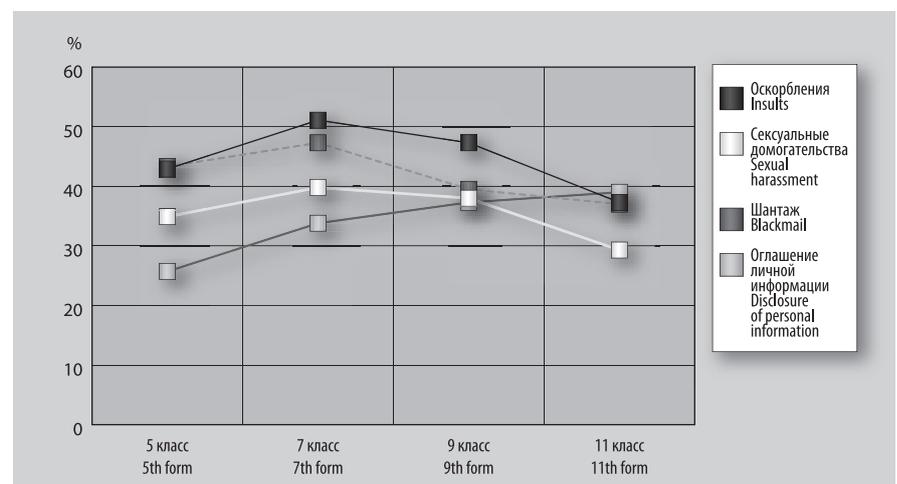

Рис. 3. Возрастная динамика значимости рисков сетевого общения (%)

Fig. 3. Age dynamics of network communication risks (%)

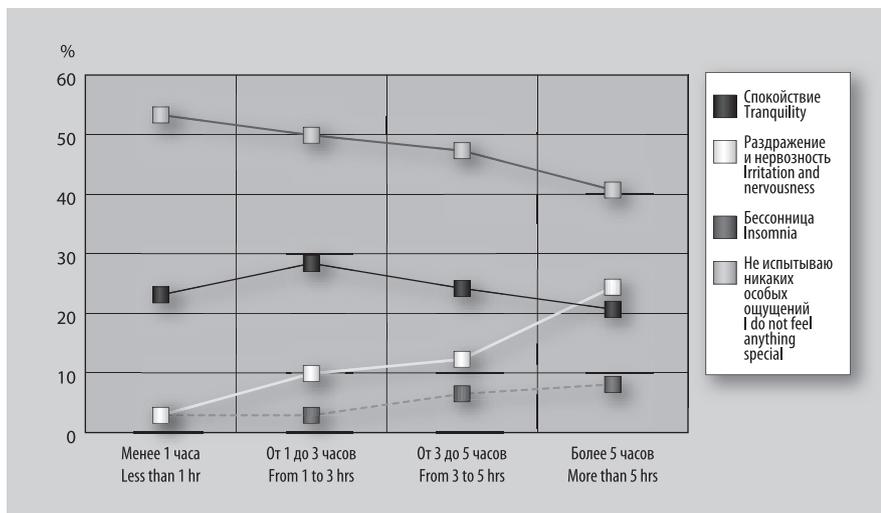

Рис. 4. Оценка подростками собственных эмоциональных состояний при длительной невозможности пользоваться социальной сетью в зависимости от интенсивности пользования сетью (%)

Fig. 4. Evaluation of one's own emotional state by adolescents with long-term inability to use the social network depending on frequency of using social network (%)

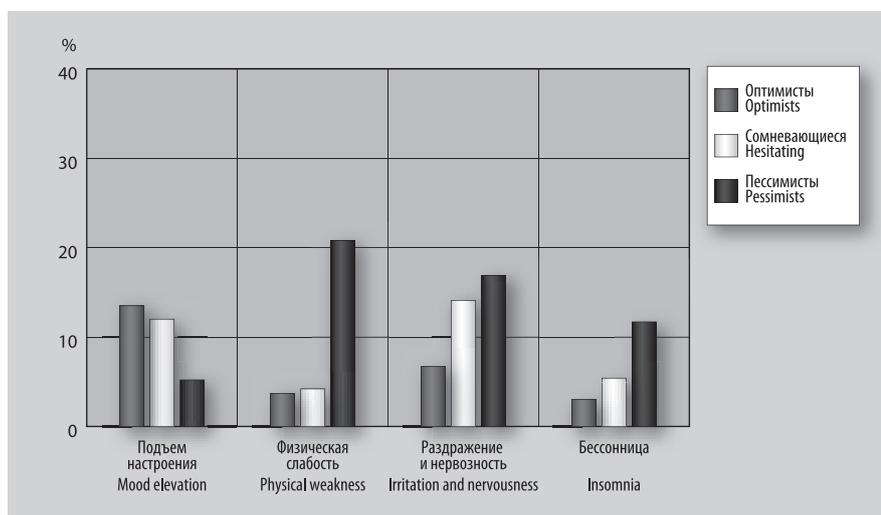

Рис. 5. Ощущения подростков при длительной невозможности пользоваться социальной сетью в зависимости от оценки своих жизненных перспектив

Fig. 5. Experiences of adolescents with long-term inability to use the social network depending on the assessment of their life prospects

50,7% (по сравнению с 39,8% среди тех, кто не хотел бы, чтобы его страница привлекала лишнее внимание, $p \leq .006$). Сходная тенденция обнаруживается и у подростков, считающих свою страницу провокационной – 48,9% (по сравнению 37,9% среди тех, кто считает свою страницу «обычной», $p \leq .04$). В данном случае явно проявляется амбивалентность коммуникационных установок подростков при организации сетевого взаимодействия. С одной стороны имеет место стремление привлечь к себе и своей странице внимание незнакомых поль-

зователей, а с другой – страх оказаться жертвой сексуальных домогательств.

Помимо возможности стать жертвой сексуальных домогательств около трети учащихся указали на угрозу зависимости от социальной сети. Подчеркнем, что именно эта тема весьма активно обсуждается в психолого-педагогических исследованиях, посвященных интернету (Brenner, 1997; Kennedy-Souza, 1998, Voiskounsky, 2010, Young, 1998). Как правило, она рассматривается в связи с интенсивностью пользования подростками социальными сетями. Однако материалы

настоящего исследования показывают, что интенсивность пользования подростками социальными сетями не отражается на частоте выбора ими «зависимости» как существенной угрозы при использовании социальными сетями. Иными словами, сам подросток, тратящий много времени на общение в социальных сетях, не чувствует себя более зависимым от ситуации сетевого общения, по сравнению с теми, кто проводит в сети менее часа в день.

Для более детального изучения этой проблемы стоит обратиться к косвенным показателям. К их числу, в первую очередь, можно отнести характеристику тех эмоциональных состояний, которые испытывает подросток «при длительной невозможности пользоваться социальной сетью». На рисунке 4 приведена динамика частоты выбора подростками различных эмоциональных состояний по мере повышения интенсивности их пользования социальной сетью.

Из приведенных на рисунке данных видно, что по мере увеличения интенсивности пользования социальной сетью явно снижается доля тех подростков, кто «не испытывает никаких особых ощущений», а также тех, кто фиксирует «спокойное» состояние. В то же время, явно растет число подростков, указывающих на «раздражение и нервозность», а также на «бессонницу». Таким образом, эти данные подтверждают предположение о влиянии интенсивности пользования сетью на формирование у подростков зависимости. Блокировка возможности пользования сетью приводит к явному увеличению их негативных состояний.

Стоит добавить, что на проявление негативных состояний при блокировке возможности пользования социальной сетью влияет не только интенсивность пользования, но и общие эмоциональные ориентации подростка относительно своего будущего. Это отчетливо иллюстрирует сопоставление ответов подростков, смотрящих в будущее с оптимизмом, сомневающихся в своей будущей успешности и настроенных пессимистично (см. рисунок 5).

Приведенные на рисунке данные отчетливо показывают, что эмоциональная оценка своих жизненных перспектив явно влияет на ощущения, возникающие в результате блокировки возможности

пользоваться социальными сетями. Этот факт указывает на то, что рост негативных состояний в ситуации фрустрации возможностей пользования социальными сетями в существенной степени определяется эмоциональной оценкой своей жизненной успешности.

Влияние пользования сетями на самооценку личностных изменений

Характеристика позитивных и негативных воздействий сетевого общения является, пожалуй, одной из ключевых тем при психолого-педагогическом обсуждении вопросов, касающихся социализации современного подростка (Белинская, 2013; Солдатова и др., 2011; Gross, 2004; Livingstone et al., 2011; Sobkin, Evstigneeva, 2004; Trekels, Ward, Eggermont, 2018). В связи с этим, особый интерес представляет мнение самих учащихся о тех изменениях, которые произошли с ними в результате пользования социальными сетями (см. таблицу 2).

Из приведенных в таблице данных видно, что к числу наиболее значимых изменений учащиеся относят появление новых интересов, расширение круга общения, рост уверенности при реальном общении со сверстниками, расширение представлений об интересующих профессиях. Сравнение особенностей ответов подростков в зависимости от интенсивности пользования социальными сетями показывает, что активные пользователи социальных сетей (уделяющие им более 5 часов ежедневно), чаще отмечают практически все предложенные варианты. Причем, это касается, как позитивных изменений, так и негативных.

Сам по себе подобный результат вполне ожидаем. Однако он явно недостаточен для понимания содержательных особенностей влияния общения в социальных сетях. В связи с этим, стоит, в первую очередь, рассмотреть возрастные особенности ответов подростков. Проведенный анализ показывает весьма существенные различия между ответами учащихся 5-х и 7-х классов. Так, среди семиклассников 41,8% отмечают появление у себя новых интересов, тогда как среди пятиклассников этот вариант выбирают

35,0% ($p \leq .02$). Также семиклассники чаще отмечают расширение круга общения (соответственно 41,1% и 33,3%, $p \leq .005$) и получение информации об интересую-

щих их специальностях (соответственно 31,3% и 24,5%, $p \leq .02$).

Весьма характерные изменения происходят и в ходе дальнейшего взросле-

Отношение подростков к возможным рискам в сети свидетельствует о том, что в сетевом общении отчетливо проявляются общепсихологические особенности возрастного развития, характерные для пубертатного периода. Выявлена своеобразная амбивалентность коммуникационных установок подростков при организации сетевого взаимодействия

Табл. 2. Мнения подростков о произошедших под воздействием сети личностных изменениях в зависимости от интенсивности пользования социальными сетями (%)

	Среднее	Менее 1 часа	Более 5 часов	P≤
Я стал более уверенным в реальном общении со сверстниками	36.0	33.5	46.7	.0002
Я стал более популярным среди сверстников	17.6	12.7	25.9	.00001
У меня существенно расширился круг общения	37.9	31.5	49.6	.00001
Я узнал больше об интересующих меня специальностях	30.0	30.9	28.5	–
У меня повысилась успеваемость в школе	10.0	11.0	11.5	–
Я стал чувствовать себя взрослее	18.2	16.4	30.4	.00001
У меня появились новые интересы	41.7	38.0	47.8	.005
Я стал чаще общаться с «виртуальными» друзьями, чем с реальными	7.7	4.7	19.6	.00001
У меня участились конфликты в семье	5.4	4.2	8.5	.003
У меня снизилась успеваемость в школе	6.2	6.2	11.5	.002
У меня снизился интерес к существующим хобби и увлечениям	4.0	2.6	7.4	–
Я стал более замкнутым в общении с одноклассниками и знакомыми	3.7	3.6	7.0	.05
N	2074	645	270	

Table 2. Attitude of adolescents to personal changes that occurred under the influence of the network depending on frequency of using social network (%)

	Mean	Less than 1 hr	More than 5 hrs	P≤
I became more confident in real communication with my peers	36.0	33.5	46.7	.0002
I became more popular among my peers	17.6	12.7	25.9	.00001
My circle of communication expanded significantly	37.9	31.5	49.6	.00001
I learned more about majors I take interest in	30.0	30.9	28.5	–
I improved my academic performance	10.0	11.0	11.5	–
I began to feel more mature	18.2	16.4	30.4	.00001
I have acquired new interests	41.7	38.0	47.8	.005
I began to communicate with "virtual" friends than with real ones more often	7.7	4.7	19.6	.00001
Conflicts in my family increased	5.4	4.2	8.5	.003
My academic performance decreased	6.2	6.2	11.5	.002
My interest in current hobbies decreased	4.0	2.6	7.4	–
I became more closed in communicating with classmates and acquaintances	3.7	3.6	7.0	.05
N	2074	645	270	

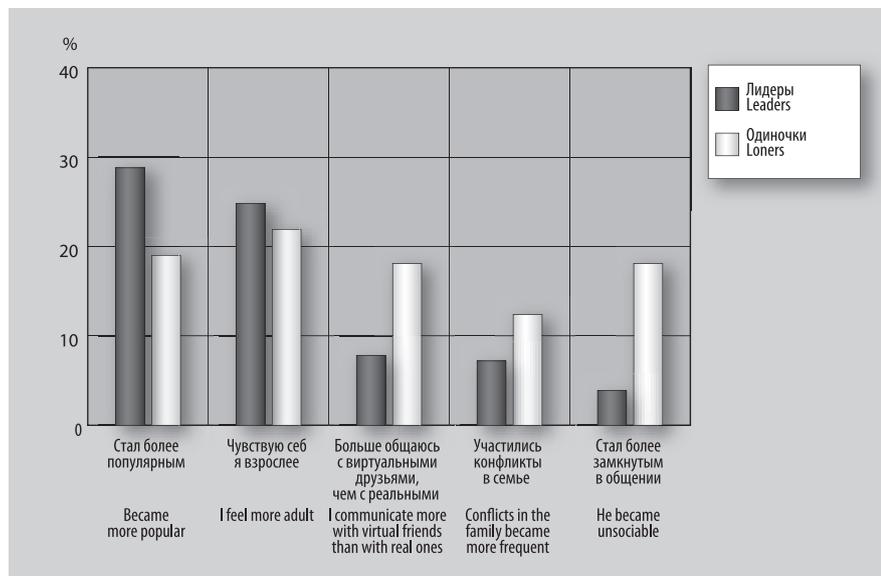

Рис. 6. Мнения подростков с разной самооценкой своего статуса в классе по поводу последствий использования социальных сетей (%)

Fig. 6. Attitude of adolescents with different self-assessment values of their status in the class to the consequences of using social networks (%)

ния. Так, к 11-му классу снижается число тех школьников, кто в качестве личностных изменений под воздействием социальных сетей указывает на большую уверенность при реальном общении (22,3% по сравнению с 41,6% среди семиклассников, $p \leq .00001$) и чувство взрослости (соответственно 12,3% и 19,6%, $p \leq .003$). Иными словами, изменения, связанные с чувством взрослости, явно теряют свою актуальность к этапу окончания школы.

Следует подчеркнуть, что отмеченные выше возрастные изменения в оценке подростками влияния сети соответствуют тем принципиальным психологическим особенностям, которые проявляются в подростковом возрасте – «перестройка структуры интересов», «расширение социальной среды», «чувство взрослости», «актуализация потребности в профессиональном самоопределении». Можно сделать вывод о том, что сеть становится для современного подростка тем важнейшим социальным пространством, где реализуются фундаментальные возрастные изменения.

Весьма актуальным является и вопрос о влиянии социальных сетей на успеваемость подростка. Традиционно он рассматривается путем сопоставления интенсивности общения и академической успешности школьника. Однако его можно рассмотреть и иначе: как оценивают

учащиеся с разной успеваемостью результаты активного пользования сетями?

Проведенный анализ позволил выявить два характерных вектора изменений. Один из них касается выбора ответа о «снижении успеваемости». Учащиеся, которые имеют низкие оценки («троечники»), склонны отмечать этот вариант чаще, чем «отличники». В то же время, «троечники» чаще указывают на «предпочтение виртуального общения реальному», утверждая, что использование социальных сетей сделало их более «уверенными в реальной жизни» – 38,5% (по сравнению с 9,3% среди школьников с высокой успеваемостью, $p \leq .02$) и более «популярными среди сверстников» – 20,3% (16,3% среди учащихся со средней успеваемостью, $p \leq .03$). Таким образом, с одной стороны, именно среди слабо успевающих школьников активность при общении в сети фиксируется как фактор, негативно влияющий на их успеваемость, а с другой – сеть играет явно позитивную роль в их социальном самочувствии.

Особое внимание стоит обратить и на сопоставление ответов учащихся с разным социальным статусом в классе (см. рисунок 6).

Приведенные на рисунке данные отражают статистически значимые различия между «лидерами» и «одиночками». Отчетливо видно, что подростки, отно-

сящие себя к лидерам, значительно чаще, по сравнению с теми, кто «чувствует себя одиноким», отмечают, что в связи с активным использованием социальных сетей они стали более популярными среди сверстников и чувствуют себя более взрослыми. Те же, кто «чувствует себя одиноким» в школьном коллективе, отмечают, что стали посвящать больше времени общению с виртуальными друзьями, чем с реальными, стали более замкнутыми в реальном общении, они также указывают на участвовавшие конфликты в семье.

Завершая данный раздел, стоит вернуться к началу статьи и рассмотреть вопрос о влиянии особенностей самопрезентации подростка в сети на его оценку тех личностных изменений, которые произошли под воздействием сетевого общения. При этом особый интерес представляет сопоставление мнений подростков в зависимости от характеристики своей страницы как «обычной», «сдержанной», «откровенной», «провокационной». В таблице 3 приведены данные, относительно которых выявлены статистически значимые различия.

Приведенные в таблице данные отражают весьма своеобразное влияние исходных коммуникативных установок на оценку подростком тех изменений, которые произошли с ним в результате сетевого общения. С одной стороны, подростки, оценивающие свою страницу как «откровенную» или «провокационную», считают, что в результате пользования сетями они стали чувствовать себя взрослее. При этом они указывают, что виртуальные друзья стали для них более привлекательными, чем реальные. С другой стороны, уход в виртуальность для них связан с кардинальным изменением социально-психологического самочувствия и в реальной среде у них снизилась успеваемость, участились конфликты в семье, они стали более замкнутыми в общении со знакомыми людьми. Именно эти моменты представляются наиболее важными, поскольку показывают, что такие установки на активное взаимодействие в сети, как «откровенность», «провокационность» (которые преимущественно ориентированы на незнакомых партнеров по общению) негативно сказываются на социальном самочувствии подростка в ситуациях реального общения.

Завершая статью, отметим основные результаты.

1. Для современного подростка социальные сети выступают в качестве особой среды, где возможна реализация «проб» различных проявлений своей индивидуальности, самопрезентаций. На их характер оказывает влияние сложный комплекс демографических и социальных факторов (возраст, пол, образование родителей, академическая успешность и др.). Установлено, что социально-психологическое благополучие подростка (лидерство/отверженность, сформированность/несформированность планов, оптимизм/пессимизм) играет важную роль в формировании характера самопрезентации подростка в социальной сети.
2. На особенности сетевой коммуникации принципиальное влияние оказывают установки подростка на общение, как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми. При этом те из подростков, кто стремится расширить социальную среду своего общения, в большей степени склонны к проявлению манипулятивных форм поведения (неординарность, провокации). Подростки же, ориентированные при общении в сети на ближайшее социальное окружение, стремятся не выходить за рамки тех норм, которые сложились в их кругу общения, предъявляя свою страницу как «обычную» и «сдержанную».
3. В отношении подростков к ограничительным нормам, регулирующим сетевое общение, проявляется явное влияние общекультурных тенденций. При этом девочки в большей степени, по сравнению с мальчиками, ориентированы на поддержание принятых норм в ситуации сетевого общения. Чем выше уровень образования родителей, тем чаще подростки склонны к реализации культуросообразных норм при общении в социальных сетях. С возрастом среди подростков заметно снижается поддержка тех или иных ограничений. Характерно, что с повышением активности и интенсивности пользования социальными сетями заметно снижается восприимчивость подростков к нарушению этических норм общения – они реже указывают на недо-

Табл. 3. Фиксация подростками последствий сетевого общения в зависимости от характеристики своей страницы (%)

	Обычная	Сдержанная	Откровенная	Провокационная
Я стал более популярным среди сверстников	17.2	21.4	38.8	29.3
Я стал чувствовать себя взрослее	17.9	22.8	43.7	41.3
Я стал чаще общаться с «виртуальными» друзьями, чем с реальными	7.1	7.9	25.2	23.9
У меня участились конфликты в семье	5.2	7.3	18.4	21.7
У меня снизилась успеваемость в школе	6.4	7.5	15.5	18.5
Я стал более замкнутым в общении с одноклассниками и знакомыми	3.5	5.3	13.6	13.0
N	1416	509	103	92

Table 3. Fixing adolescent consequences of network communication depending on attitude to their webpage (%)

	Average	Reserved	Explicit	Provocative
I became more popular among my peers	17.2	21.4	38.8	29.3
I began to feel more mature	17.9	22.8	43.7	41.3
I began to communicate with "virtual" friends than with real ones more often	7.1	7.9	25.2	23.9
Conflicts in my family increased	5.2	7.3	18.4	21.7
My academic performance decreased	6.4	7.5	15.5	18.5
I became more closed in communicating with classmates and acquaintances	3.5	5.3	13.6	13.0
N	1416	509	103	92

пустимость размещения различного рода информации, способной оскорбить чувства других пользователей сети.

4. Пространство сетевого общения в целом оценивается подростками как весьма насыщенное разнообразными поведенческими рисками. Оно часто воспринимается как среда, угрожающая личности, построению адекватного образа «Я». Отношение подростков к возможным рискам в сети свидетельствует о том, что в сетевом общении отчетливо проявляются общепсихологические особенности возрастного развития, характерные для пубертатного периода. Выявлена своеобразная амбивалентность коммуникационных установок подростков при организации сетевого взаимодействия. С од-

ной стороны имеет место стремление привлечь к себе внимание незнакомых пользователей, а с другой – страх оказаться жертвой сексуальных домогательств. Страх подвергнуться сексуальной агрессии последовательно усиливается по мере роста активности и интенсивности пользования социальными сетями. Помимо этого, интенсивность пользования социальными сетями приводит также к формированию негативных состояний, характерных для феномена зависимости.

Проведенное исследование показало, что социальные сети становятся для современного подростка тем важнейшим коммуникативным пространством, где реализуются фундаментальные возрастные изменения, связанные с его социализацией. При этом проявились как

позитивные, так и негативные аспекты влияния сетевого общения на социальное самочувствие подростка. Характерно,

что стремление к расширению своей социальной среды с помощью виртуальной коммуникации часто негативно отража-

ется на особенностях личностного развития подростка, его реальном взаимодействии со сверстниками и взрослыми.

Литература:

- Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, – № 30. – С. 5.
- Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. – 2004. – № 25 (1). – С. 90–100.
- Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. – Москва, 1984.
- Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том V, Выпуск VII. – Москва : Центр социологии образования РАО, 2000. – С. 431–460.
- Королева Д.О. Использование социальных сетей в образовании и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 28–37.
- Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. – 2010. – № 3. – С. 90–102.
- Поливанова К. Н., Смирнов И.Б. Что в профиле тебе моем: данные «ВКонтакте» как инструмент изучения интересов современных подростков // Вопросы образования. – 2017. – № 2. – С. 134–152.
- Собкин В.С. Подросток: включенность в сетевое взаимодействие и отношение к образованию // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2017. – Т. 2. – № 2. – С. 99–113.
- Собкин В.С. Современный подросток в социальных сетях // Педагогика. – 2016. – № 8. – С. 61–72.
- Собкин В.С., Адамчук Д.В. Отношение участников образовательного процесса к информационно-коммуникационным технологиям (по материалам социологического опроса администраторов школ, учителей и учащихся в пилотных регионах проекта ИСО). – Москва : Центр социологии образования РАО, 2006.
- Собкин В.С., Евстигнеева Ю.М. Подросток: виртуальность и социальная реальность. По материалам социологического исследования // Труды по социологии образования. – Том VI. Выпуск X. – Москва : Центр социологии образования РАО, 2001.
- Собкин В.С., Адамчук Д.В. Мониторинг социальных последствий информатизации: что изменилось в школе за три года? – Москва : Институт социологии образования РАО, 2008.
- Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: риски и реакции // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2018. – № 1. – С. 47–56.
- Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю., Чекалина А.И., Гостимская О.С. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете / под ред. Г.В. Солдатовой – Москва, 2011.
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – Москва : Педагогика, 1989.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – Москва : Прогресс, 1996.
- Brenner, V. (1997). Parameters of Internet Use, abuse, and addiction: The first 90 days of the Internet Usage Survey. *Psychological Reports*, 80 (3 Pt1), 879–882.
- Görzig, A. (2011). Who bullies and who is bullied online? A study of 9-16 year old internet users in 25 European countries. Retrieved from <http://eprints.lse.ac.uk/39601/>
- Gross, E.F. (2004). Adolescent Internet use: What we expect, what teens report. *Applied Developmental Psychology*, 25, 633–649.
- Kennedy-Souza, B. L. (1998). Internet Addiction Disorder. *Interpersonal Computing and Technology: An Electronic Journal for the 21st Century*, 6, 1–8.
- Kulikova T.I., Maliy D.V. (2015). The correlation between a passion for computer games and the school performance of younger schoolchildren. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(3), 124–136.
- Laghi, F., Schneider, B.H., Vitoroulis, I. et al. (2013). Knowing when not to use the Internet: Shyness and adolescents' on-line and off-line interactions with friends. *Computers in Human Behavior*, 29, 51–57.
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A. and Ólafsson, K. (2011). Risks and safety on the internet: The perspective of European children: Full findings. Retrieved from <http://eprints.lse.ac.uk/33731/>
- Livingstone, S., Kirwil, L., Ponte, C., Staksrud, E. (2013). In their own words: what bothers children online? with the EU Kids Online Network. EU Kids Online, London School of Economics & Political Science, London, UK. Retrieved from <http://eprints.lse.ac.uk/48357/>
- Manago, A.M., Graham, M.B., Greenfield, P.M., Salimkhan, G. (2008). Self-presentation and gender on MySpace // *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29, 446–458.
- Computers in Human Behavior, 80, 81–87. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.10.046>
- Marino, C., Gini, G., Vieno, A., Spada, M.M. (2018) The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 226, 274–281.
- Oprea, C., Stan, A. (2012). Adolescents perceptions of online communication. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 46, 4089–4091.
- Puchkova E.B., Sukhovershina Yu.V., Temnova L.V. (2017). A study of Generation Z's involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (4), 134–143.

Sipal, R. F., Karakaya, Y., Hergul, N. (2011). I am online: What adolescents think about internet and internet use. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 30, 2420–2426.

Sobkin, V.S., Evstigneeva, Iu.M. (2004). The Adolescent: Virtual and Social Reality // *Russian Education and Society*, Vol. 46, 6, 6–100.

Sobkin, V.S., Evstigneeva, Iu.M. (2004). The Adolescent: Virtual and Social Reality // *Russian Education and Society*, Vol. 46, 7, 3–92.

Trekels, J., Ward, L. M., Eggermont, S. (2018). I “like” the way you look: How appearance-focused and overall Facebook use contribute to adolescents’ self-sexualization. *Computers in Human Behavior*, 81, 198–208. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.12.020>

Turkle, Sh. (1996). *Parallel lives: Working on identity in virtual space. Constructing the self in a mediated world. Inquiries in social construction* / Grodin D., Lindlof T.R. (Eds.). Sage Publications, Inc, Thousand Oaks, CA, US, 156–175.

Voiskounsky, A.E. (2010). Internet Addiction in the Context of Positive Psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 541–549.

Young, K. S. (1998). Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology and Behavior*, 3 (1), 237–244.

References:

Belinskaya, E.P. (2013) Information socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being. [Psikhologicheskie issledovaniya], 6(3), 5.

Bogacheva, N.V. (2014) Computer games and psychological specifics of the cognitive sphere of gamers. [Vestnik Moskovskogo Universiteta]. Series 14. *Psychology*, 4, 120–130.

Bogacheva, N.V. (2015) Computer games and the psychological specifics of the gamer cognitive sphere (ending). [Vestnik Moskovskogo Universiteta]. Series 14. *Psychology*, 1, 94–103.

Brenner, V. (1997) Parameters of Internet Use, abuse, and addiction: The first 90 days of the Internet Usage Survey. *Psychological Reports*, 80 (3 Pt1), 879–882. doi: 10.2466/pr0.1997.80.3.879

El'konin, D.B. (1989) Selected psychological works. Moscow, Pedagogika.

Erickson, E. (1996) *Identity: youth and crisis*: Trans. from the English; Society. Moscow, Izdatel'stvo gruppa «Progress».

Görzig, A. (2011) Who bullies and who is bullied online? A study of 9–16 year old internet users in 25 European countries. Retrieved from <http://eprints.lse.ac.uk/39601/>

Gross, E.F. (2004) Adolescent Internet use: What we expect, what teens report. *Applied Developmental Psychology*, 25, 633–649. doi: 10.1016/j.appdev.2004.09.005

Kennedy-Souza, B. L. (1998). Internet Addiction Disorder. *Interpersonal Computing and Technology: An Electronic Journal for the 21st Century*, 6, 1–8.

Koroleva, D.O. (2015) Using social networks in the education and socialization of adolescents: an analytical review of empirical research (international experience). [Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie], 20(1), 28–37.

Kulikova, T.I., & Maliy, D.V. (2015) The correlation between a passion for computer games and the school performance of younger schoolchildren. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(3), 124–136.

Laghi, F., Schneider, B.H., Vitoroulis, I. at al. (2013) Knowing when not to use the Internet: Shyness and adolescents’ on-line and off-line interactions with friends. *Computers in Human Behavior*, 29, 51–57. doi: 10.1016/j.chb.2012.07.015

Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A. & Ólafsson, K. (2011) Risks and safety on the internet: The perspective of European children: Full findings. Retrieved from <http://eprints.lse.ac.uk/33731/>.

Livingstone, S., Kirwil, L., Ponte, C., & Staksrud, E. (2013) In their own words: what bothers children online? with the EU Kids Online Network. EU Kids Online, London School of Economics & Political Science, London, UK. Retrieved from <http://eprints.lse.ac.uk/48357/>

Manago, A.M., Graham, M.B., Greenfield, P.M., & Salimkhan, G. (2008) Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29, 446–458. doi: 10.1016/j.appdev.2008.07.001

. *Computers in Human Behavior*, 80, 81–87. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.10.046>. doi: 10.1016/j.chb.2017.10.046

Marcinkovskaya, T.D. (2010) Information space as a factor of socialization of modern adolescents. [Mir pikhologii], 3, 90–102.

Marino, C., Gini, G., Vieno, A., & Spada, M.M. (2018) The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 226, 274–281. doi: 10.1016/j.jad.2017.10.007

Oprea, C., Stan, A. (2012). Adolescents perceptions of online communication. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 46, 4089–4091. doi: 10.1016/j.sbspro.2012.06.204

Polivanova, K.N., & Smirnov, I.B. What's in my profile to you: data «VKontakte» as a tool for studying modern interests of adolescents. [Voprosy obrazovaniya], 2. 134–152.

Puchkova, E.B., Sukhovershina Yu.V., & Temnova L.V. (2017) A study of Generation Z's involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143.

Sipal, R.F., Karakaya, Y., & Hergul, N. (2011) I am online: What adolescents think about internet and internet use. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 30, 2420–2426. doi: 10.1016/j.sbspro.2011.10.473

Sobkin, V.S., & Evstigneeva, Iu.M. (2004) The Adolescent: Virtual and Social Reality. *Russian Education and Society*, 46(6), 6–100. doi: 10.1080/10609393.2004.11056893

Sobkin, V.S., & Evstigneeva, Iu.M. (2004) The Adolescent: Virtual and Social Reality. *Russian Education and Society*, 46(7), 3–92. doi: 10.1080/10609393.2004.11056901

Sobkin, V.S. (2017) Adolescent: Inclusion into the Network Interaction and Attitude to Education, in: *Communications. Media. Design*, 2(2), 99–113.

Sobkin, V.S. (2016) The modern teenager in social networks. [Pedagogika], 8, 61–72.

- Sobkin, V.S., & Adamchuk, D.V. (2006) Attitude of the participants in the educational process to information and communication technologies (based on the sociological survey of school administrators, teachers and students in the pilot regions of the ISO project). Moscow, Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO.
- Sobkin, V.S., & Evstigneeva, Yu. M. (2001) Adolescent: Virtuality and Social Reality. On the basis of sociological research. Works on the Sociology of Education. Volume VI. Issue X. Moscow, Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO.
- Sobkin, V.S., & Adamchuk, D.V. (2008) Monitoring social consequences of informatization: what has changed in school in the course of three years? Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO.
- Sobkin, V.S., & Fedotova, A.V. (2018) Adolescent in social networks: risks and reactions. [Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov], 1, 47–56.
- Soldatova, G.V., Zotova, E.Yu., Chekalina, A.I., & Gostimskaya O.S. (2011) Caught by one network: a socio-psychological study of the views of children and adults about the Internet. Internet Development Fund. Moscow.
- Trekels, J., Ward, L.M., & Eggermont, S. (2018) I “like” the way you look: How appearance-focused and overall Facebook use contribute to adolescents’ self-sexualization. Computers in Human Behavior, 81, 198–208. doi: 10.1016/j.chb.2017.12.020
- Turkle, Sh. (1996) Parallel lives: Working on identity in virtual space. Constructing the self in a mediated world. Inquiries in social construction. Grodin D., Lindlof T.R. (Eds.). Sage Publications, Inc, Thousand Oaks, CA, US, 156–175.
- Voiskounsky, A.E. (2010) Internet Addiction in the Context of Positive Psychology. Psychology in Russia: State of the Art, 3, 541–549.
- Voiskounsky, A.E. (2004) Actual problems of the psychology of dependence on the Internet. [Psikhologicheskii zhurnal], 25(1), 90–100.
- Vygotsky, L.S. (1984) Pedology of an adolescent. Vol. 4. [Sobranie sochineniy]. Moscow, In 6 Vols.
- Young, K. S. (1998). Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. CyberPsychology and Behavior, 3(1), 237–244. doi: 10.1089/cpb.1998.1.237
- Zichkina, A.Y. & Belinskaya, E.P. (2000) Self-presentation in virtual communication and identity features of adolescent Internet users. [Obrazovanie i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty. Trudy po sotsiologii obrazovaniya], V(VII). Moscow, Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 431–460.